

НАША СТРАНА

Год издания—42-ой. Буэнос Айрес, суббота 9 июня 1990

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 9 de junio de 1990 N° 2079

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН

ЕСЛИ УЛИЦА НЕ ВЕДЕТ К ХРАМУ, ТО ЗАЧЕМ ОНА?

Выдержки из речи на вечере Фонда восстановления храма Христа Спасителя в Москве

Мы собрались сегодня здесь для того, чтобы положить начало восстановлению попорченной и поруганной чести русского народа. Мы собрались в кинотеатре под названием «Россия», казалось бы символическим. Но и сам этот кинотеатр, что называется «Россией», тоже принадлежит народу, потому что он построен на святом и, как раньше сказали бы, намоленном нашими предками месте древнего Страстного монастыря.

Как известно, в стране после 1917-го года — не будем сейчас вдаваться в дату, когда это произошло — была установлена диктатура. Понятие диктатуры Владимир Ильич Ленин определяет следующими словами: «Понятие диктатура означает не что иное, как ни чем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть».

Страна была завоевана. Сошлемся опять на Ленина: «Большевикам удалось сравнительно чрезвычайно легко решить задачу завоевания власти, как в столице, так и в главных промышленных центрах России. Но в провинции, в отдаленных от центра местах, советской власти пришлось выдержать сопротивление, принимавшее военные формы. И только теперь, по истечении более чем трех месяцев со времени октябрьской революции, подходящее к концу. В настоящее время задача преодоления и подавления сопротивления в России окончена, в своих главных чертах, — Россия завоевана большевиками».

Однако для того, чтобы удержать завоеванную власть, особенно когда проявился для народа ее характер, проявились ее истинные цели, пришлось истребить до одной трети населения страны.

Народ обесчестил себя не сам. Потоплено в крови Кронштадтское восстание. Восстание в Ярославле подавлено столь зверски, что содрогнулись даже в Кремле. В 21-м году восстала Сибирь. Против тамбовских крестьян была брошена регулярная армия под командованием Тухачевского. Восставшая Астрахань плавала в крови. Около 12-ти тысяч рабочих Астрахани было превращено в кровавое месиво прямо на площади. Конные отряды наступали уходящих в степь и рубили их беспощадно. На Дону шло расказачивание России, уничтожались целые станицы с женщинами, детьми и стариками.

Да и в меньших масштабах. Вот приехал я, скажем, в Бугуруслан в Аксаковские места. Мне рассказывали, как бугурусланские мужики, у которых иссякло терпение, прямо с базара бросились к зданию ревкома или как оно там называлось. А сидело-то там в здании всего два человека, осуществлявших власть. Два человека, мне даже их фамилии называли. Я не запомнил, но в общем, революционные фамилии... Два чело-

века, но у них на балконе стоял пулемет... Ну и покосили бугурусланских мужичков перед этим зданием. И затыл Бугуруслан, и молчит до сих пор.

Или приехал я в подмосковный городок Рогачев, вблизи Блоковских мест. Оказывается, и там было восстание. Но пришел отряд латышских стрелков... Мне показали место на площади, где около стены латыши расстреляли десяток-другой рогачевцев, и теперь тихо... Только до-развивается в центре города грандиозный прекрасный собор.

Оказывается, когда было объявлено изъятие церковных ценностей, то воспротивилась этому наша Владимирской губернии, маленькая, но древняя Шуя, мирный уездный городок. Верующие не давали властям грабить церковные ценности. В связи с этими событиями, Ленин потребовал (цитирую по тому 45-му) подавить сопротивление по проведению в жизнь декрета ВЦИК от 26 февраля об изъятии церковных ценностей. Политбюро дает детальную директиву судебным властям, чтобы процесс шуйских мятежников был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе, как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных людей, а по возможности, не только жителей этого города, но и Москвы и нескольких других духовных центров. И затихло все в городе Шуе, и молчит Шуя до сих пор. И вот все в Шуе затихло, то есть всякое сопротивление было сломлено, главным образом, в результате физического уничтожения, то есть убийства способных к сопротивлению людей. И тогда началась, под руководством верных продолжателей дела, вакханалия уничтожения российских культурных исторических ценностей.

По всей стране были закрыты, обесчещены, обезглавлены сотни тысяч церквей и колоколен, которые создавали неповторимый своеобразный ландшафт России. Большинство из этих прекрасных архитектурных сооружений стерто с лица земли бесследно. Многие стоят в руинах, в развалинах, со сбитыми крестами, с просвечивающими насквозь куполами, земля вокруг них поросла бурьяном. Многие превращены в гаражи, в складские помещения. Так или иначе — повсюду мерзость запустения.

Но главный удар направлен был на Москву. Оно и понятно, ведь Москва была символом и олицетворением всего русского, национального и духовного. И уже если понадобилось искоренить это русское национальное и духовное, то начинать надо было с Москвы. Под предлогом реконструкции Москвы началось фактическое уничтожение ее, как исторически сложившегося уникального, а главное, красивейшего города.

Я в свое время уже призвал в свидетели тому какая была Москва, замечательного, великого норвежского писателя Кнута Гамсуна. Он со-

вершил путешествие по России и нарисовал путевые очерки под названием «В сказочной стране». Он пишет:

«Я побывал в четырех из пяти частей света. Конечно, я путешествовал по ним не много, а в Австралии я и совсем не бывал, но можно все-таки сказать, что мне приходилось ступать на почву всевозможных стран света и что я повидал кое-что. Но чего-либо подобного Москве я никогда не видел!»

Я видел прекрасные города. Грандиозное впечатление на меня произвели Прага и Будапешт. Но Москва — это нечто сказочное! В Москве около 450 церквей и часовен и когда начинают звонить все колокола, то воздух дрожит от множества звуков, в этом городе с миллионным населением. С Кремля открывается вид на целое море красоты. Я никогда не представлял себе, что на земле может существовать подобный город.

Все кругом пестрит красными и золочеными куполами и шпицами. Перед этой массой золота в соединении с ярким голубым цветом, бледнеет все о чем я когда-либо мечтал. Мы стоим у памятника Александру Второму и облокотившись на перила не отрываем взор от картины, которая раскинулась перед нами. Здесь нет разговора, но глаза наши делают влажными...»

Архитектура Москвы, московский, исторически сложившийся ансамбль, создавали определенную атмосферу, настроение, определенным образом воздействовали на сознание, на характер людей, на их китайское и творческое поведение.

Вот, что пишет Васнецов Виктор Михайлович Владимиру Стасову:

«Решительный и сознательный переход из жанра совершился в Москве златоглавой, конечно. Когда я приехал в Москву, то почувствовал, что приехал домой и больше ехать уже некуда. Кремль, Василий Блаженный заставили меня чуть не плакать, до такой степени это веяло на душу родным, незабвенным».

В этом письме упомянуты Кремль и Василий Блаженный, но надо ли объяснять, что сами по себе они не создают еще облик архитектурной атмосферы города. Васнецова же поразила именно архитектурная атмосфера Москвы, симфония Москвы, в которой Кремль и Василий Блаженный были чем-то вроде двух вершин. Более спокойно, но не менее твердо говорит о Москве Александр Николаевич Островский: «В Москве все русское становится понятней и дороже, через Москву волнами сливается в Россию великорусская народная сила».

Архитектурных памятников в Москве уничтожено более четырехсот. Это, конечно, не только храмы и монастыри, но и скажем, Сухарева башня, Красные ворота, Триумфальная арка, так называемый, дом Фамусова, просто старинные усадьбы, особняки, памятники как таковые, например, Скобелеву, Александру Вто-

рому-Освободителю, кстати сказать, стоя у которого плакал Кнут Гамсун. Обезобразивая Москву, уничтожая лицо Москвы, ее облик, ее особенную атмосферу, ее воздействие на сердца и души, как можно было обойти главный памятник, главную святыню, главный, как мы сказали бы теперь, мемориал, — храм Христа Спасителя.

Я надеюсь здесь собрались люди, которым не надо рассказывать, что это был за памятник, когда построен, зачем, что представлял из себя в художественной, исторической, духовной, мемориальной ценности и просто по ценности как таковой. Золото, серебро, малахит, лабрадор, яшма, скульптура Клодта, живопись Сурикова, Крамского, Верещагина. На какие деньги можно все это теперь перевести?

Обозревая весь вандализм тех десятилетий, всю уголовщину тех десятилетий, я в своем сознании ставлю рядом, по их чудовищности, два преступления: это зверское убийство Царской Семьи и зверское уничтожение храма Христа Спасителя. Первое, конечно, непоправимо! А второе?

Вот для чего мы здесь собрались!

Оказалось же возможным заново, от нуля, построить в Москве Триумфальную арку. Ну поменьше, подешевле она, так сказать, храма Христа Спасителя, но все же ведь — не газетный киоск, не спичечный коробок.

Я хотя согласился открыть этот вечер, но я стараюсь на это смотреть все-таки реалистично, вернее, не могу не смотреть реалистично. Точно так же, как перестройка может дать реальные плоды и результаты только в рамках сложившейся государственности, а не на пути разложения государства и развала его на изношенные запасные части, точно так же и нашему движению, которое мы сегодня начинаем, в конечном счете, увы, без государства не обойтись.

Государство 1989 года — это уже не государство 1931 года, когда взрывался храм Христа Спасителя. Это уже другое государство. Да, мы будем собирать средства, мы будем всеми возможными силами восстанавливать, агитировать за восстановление памятника. Но это не тот случай, когда можно обойтись самодеятельностью или субботником. Акт вандализма, совершившийся в 1931 году, погряз честь народа, но он погряз и честь государства.

Вспомним финал известного фильма «Покаяние». Старуха, полубезумевшая от горя из-за всех пережитых лет ищет какой-то храм в Тбилиси и всех спрашивает: «Эта улица ведет к храму?» Ей отвечают: «Никакого храма давно уже нет». Тогда она и ставит последнюю точку: «Но если улица не ведет к храму, то зачем она?»

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

ИЗ КНИГИ «РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ»

Выходящий на родине неформальный журнал «Российские Ведомости» (С. Петербург-Москва) в своем 23-ем номере воспроизвел нижеприводимый отрывок из наиболее известного труда И. Л. Солоневича, сопроводив его следующим вступлением: «От Редакции. Мы публикуем маленький отрывок из книги Ивана Солоневича, которую он написал еще в конце 30-х годов после того, как сбежал из лагерей за границу, и в которой первый описал архипелаг Гулаг. Мы приводим соображения автора относительно нашего государственного устройства, так как они необычайно остроумны и актуальны и в свете сегодняшнего дня».

... На воле эта операция (сокращение «аппарата» — ред.) производится с неукоснительной регулярностью приблизительно один раз в полгода. Теория таких сокращений исходит из того нелепого представления, что бюрократическая система может существовать без бюрократического аппарата, что власть, которая планирует и контролирует и политику, и экономику, и идеологию, и «географическое размещение промышленности», и мужицкую корову, и жилищную склоку, и торговлю селедкой, и фрасон платья, и брачную любовь, — власть, которая, говоря проще, насаждает на все и все высслеживает, — что такая власть может обойтись без чудовищно разбухших аппаратов всяческого прожектёрства и всяческой слежки. Но такая презумпция существует. Очень долго она казалась мне совершенно бессмысленной. Потом, въедаюсь и вглядываясь в советскую систему, я, мне кажется, понял, в чем тут зарыта социалистическая собака: правительство хочет показать массам, что оно, правительство, власть и система, стоит, так сказать, на вершине всех человеческих достижений, а вот аппарат, извините, — сволочной. Вот мы, власть, с этим аппаратом и боремся. Уж так боремся... Не щадя, можно сказать, животов аппаратных... И если какую-нибудь колхозницу заставляют кормить грудью поросят, — то причем власть? Власть не причем. Недостатки механизма. Наследие проклятого старого режима. Бюрократический подход. Отрыв от масс. Потеря классового чутья... Ну, и так далее. Система во всяком случае, не виновата. Система такая, что хоть сейчас ее на весь мир пересаживай...

По части приискания всевозможных и невозможных козлов отпущения советская власть переплонула лучших в истории последователей Макиавелли. Но с каждым годом козлы помогают все меньше и меньше. В самую тупую голову начинает закрадываться сомнение. Что ж это вы, голубчики, полтора десятка лет все сокращаетесь и приближаетесь к массам, — а как была ерунда, так и осталась. На восемнадцатом году революции женщину заставляют кормить грудью поросят, а над школьницами учиняют массовый медицинский осмотр на предмет установления невинности... И эти вещи могут случаться в стране, которая официально зовется «самой свободной в мире». «Проклятым старым режимом», «наследием крепостничества», «вековой темнотой России» и прочими, несколькими мистического характера, вещами тут уж не отделаешься: при дореволюционном правительстве, ко-

торое исторически все же ближе было к крепостному праву, чем советское, — такие вещи просто были бы невозможны. Не потому, чтобы кто-нибудь запрещал, а потому, что никому бы в голову не пришло. А если бы и нашлась такая сумасшедшая голова — так ни один врач не стал бы осматривать и ни одна школьница на осмотр не пошла бы...

Да, в России сомнения начинают закрадываться в самые тупые головы. От того-то для этих голов начинают придумывать новые побрякушки — вот вроде красивой жизни... Некоторые головы в эмиграции начинают эти сомнения «изживать»... Занятие исключительно своевременное...

... В мелькании всяческих административных мероприятий каждое советское заведение, как планета по ообите проходит такое коловращение: сокращение, укрупнение, разукрупнение, разбухание и снова сокращение: у попа была собака...

Когда в следствии предшествующих мероприятий аппарат разбух до такой степени, что ему, действительно, и повернуться нельзя, начинается кампания по сокращению. Аппарат сокращают неукоснительно, скорострельно, беспощадно и беспотолково. Из этой операции он вылезает в таком изуродованном виде, что ни жить, ни работать он в самом деле не может. От него отгрызли все то, что не имело связей, партийного билета, умения извернуться или пустить пыль в глаза. Изгрызенный аппарат временно оставляют в покое со свирепым внушением: впредь не разбухать. Тогда возникает теория «укрупнения»: несколько изгрызенных аппаратов соединяются вкуче, как слепой соединяется с глухим. «Укрупнившись» и получив новую вывеску и новые «плановые задания», новорожденный аппарат начинает

понемногу разбухать. Когда разбухание достигнет какого-то предела, при котором снова ни повернуться, ни вздохнуть, — на сцену приходит теория «разукрупнения». Укрупнение соответствует централизации, специализации, индустриализации и вообще «масштабам». Разукрупнение выдвигает лозунги «приближения».

Приближаются к массам, к заводам, к производству, к женщинам, к быту, к коровам. Во времена пресловутой кроличьей эпопеи был даже выброшен лозунг «приближения к бытовым нуждам крольков». Приближались. Кролики передохли.

Так вот: вчера еще единое всеобщее, всеобъемлющее заведение начинает почковаться на отдельные «строи», «тресты», «управления» и прочее. Все они куда-то приближаются. Все они открывают новые методы и новые перспективы. Для новых методов и перспектив явно нужны и новые люди. «Строи» и «тресты» начинают разбухать — на этот раз беззастенчиво и беспардонно. Опять же — до того момента, когда — ни повернуться, ни дохнуть.

Начинается новое сокращение. Так идет вот уже восемнадцать лет. Так идти будет еще долго, ибо советская система ставит задачи, никакому аппарату непосильные. Никакой аппарат не может спланировать красивой жизни и установить количество поцелуев, допустимое теорией Маркса-Ленина-Сталина. Никакой контроль не может уследить за каждой селедкой в каждом кооперативе. Приходится нагромождать плановика на плановика, контролера на контролера и сыщика на сыщика. И потом планировать и контроль и сыск.

Процесс разбухания объясняется тем, что когда вчерне установлены: планы, контроль и сыск, выясняется, что нужно планировать сыщиков и

организовывать слежку за плановиками. Организуется плановый отдел в ГПУ и сыскное отделение в Госплане. В плановом отделе ГПУ организуется собственная сыскная ячейка, а в сыском отделении Госплана — плано-контрольная группа.

Каждая гнилая кооперативная селедка начинает обрастать плановиками, контролерами и сыщиками. Такой марки не в состоянии выдержать и гнилая кооперативная селедка. Начинается перестройка: у попа была собака...

Впрочем, на воле эти сокращения проходят более или менее безболезненно. Резиновый советский быт причорвился и к ним. Как-то выходит, что когда сокращается аппарат А, начинает разбухать аппарат Б. Когда сокращается Б — разбухает А. Иван Иванович, сидящий в А, и ожидающий сокращения, звонит по телефону Ивану Петровичу, сидящему в Б и начинающему разбухать: нет ли у вас, Иван Петрович, чего-нибудь такого подходящего. Что-нибудь такое подходящее обыкновенно отыскивается. Через месяцев 5-6 Иван Иванович и Иван Петрович перекочевывают снова в аппарат А. Так оно и крутится. Особой безработицы от этого не получается. Некоторое углубление всероссийского кабака от всего этого происходит, в «общей тенденции развития» мало заметно и в глаза не бросается. Конечно, покидая аппарат А, Иван Иванович никому не станет «сдавать дел»; просто вытряхнет из портфеля свои бумаги и уйдет. В аппарате Б Иван Иванович три месяца будет разбирать бумаги, точно таким же образом вытряхнутые кем-то другим. К тому времени, когда он с ними разберется, его уже начнут укрупнять или разукрупнять. Засидеться на одном месте Иван Иванович не имеет почти никаких шансов, да и засиживаться опасно...

Здесь уже, собственно говоря, начинается форменный бедлам — к каковому бедламу лично я никакого социологического объяснения найти не могу. Когда, в силу какой-то таинственной игры обстоятельств, Иван Ивановичу удастся усидеть на одном месте три-четыре года и, следовательно, как-то познакомиться с тем делом, на котором он работает, то на ближайшей чистке ему бросят в лицо обвинение в том, что он «засиделся». И этого обвинения будет достаточно для того, чтобы Ивана Ивановича вышибли вон — правда, без порочащих его добрую советскую честь отметок. Мне, по видимому, удалось установить всеобщий рекорд «засиживания». Я просидел на одном месте почти шесть лет. Правда, место было, так сказать, вне конкуренции: физкультура. Ей все весьма сочувствуют и никто ничего не понимает. И все же на шестой год меня вышибли. И в отзыве комиссии по чистке было сказано (буквально):

«Уволить, как засидевшегося, малограмотного, неимеющего никакого отношения к физкультуре, заделавшегося инструктором и ничем себя не проявившего».

А Госиздат за эти годы выпустил шесть моих руководств по физкультуре...

Нет уж, Господь с ним, лучше не засиживаться...

«ХОЗЯЕВА»

«В издании «Нашей Страны» вышла сказка И. Солоневича — «Хозяева». Эта поучительная и ценная история для детей старше сорока лет.

Эту книжку с интересом прочтут многочисленные читатели, начиная с внуков и, кончая дедушками.

Книжка хорошо оформлена. Особенно удачны обложка и рисунки в тексте».

(Из отзыва в редактировавшейся Д. Константиновым бузносайресской еженедельной газете «Новое Слово» от 27-12-1952).

Сказку И. Солоневича «Хозяева» можно выписывать из редакции «Нашей Страны».

Цена: 3 ам. доллара.

«ТУМОНДС.Р.Л.»

Новое туристическое бюро.

Групповые и одиночные поездки во все концы мира.

Турне. Конгрессы. Съезды.

Говорят по-русски. Обращаться к Евгении Николаевне Меньшиковой.

Адрес: Lavalle 636, 2nd — of. 2, Capital. Tel. 322-2232.

ЖУРНАЛ «СОГЛАСИЕ»

В Лос Анжелесе издается русский патриотический журнал «Согласие».

Отделы: политика, история, религия, литература, крестословицы. Выходит один раз в месяц.

Подписная плата в США — 30 долл. в год, за границу — 35 долл. в год.

Чеки направлять по адресу: "S O G L A S I Y E" 5430 Fernwood Avenue LOS ANGELES CA 90027 USA.

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

ГЕННАДИЙ КРИВАГО

К 8-ЛЕТИЮ МАЛЬВИНСКОЙ ВОЙНЫ

АРХИПЕЛАГ В ОГНЕ

Эта замечательная книга, — Nicolás Kasanzew, "Malvinas a sangre y fuego", — попала в мои руки только сейчас, когда гром описываемых в ней событий давно затих. Кто в Европе помнит про войну за Мальвинские острова? Хотя она на время и занимала первые страницы мировой печати...

Героическая попытка Аргентины вернуть себе свое законное владение, захваченное Великобританией, оказалась, увы, неуспешной. Несмотря на то, что Британская Империя, разваливается не по дням, а по часам, ее силы покамест слишком еще велики; и в данном случае она крепко схватилась за клочки земли на далеком океане, и пустила в ход любые средства, — вплоть до явно недопустимых.

Наш интерес к боевым действиям аргентинцев возрастает, понятное дело, еще от того, что нам рассказывает трагическую эпопею их борьбы и страданий наш соотечественник, известный журналист Николай Леонидович Казанцев. Соотечественник... бесспорно да, хотя он и вырос в Буэнос-Айресе, и в процессе операций, о которых здесь повествуется, сражался на стороне южноамериканской республики, где живет, доблестно рискуя за нее жизнью. Ибо мы знаем Казанцева как русского патриота и монархиста, верного своей исторической родине, согласно завету Пушкина:

Куда бы нас не бросила судьбина,
И счастье куда б ни повелю...

Опять же, мы употребили слово *сражался*. А он действовал не оружием, а скорее сказать как военный корреспондент, или, еще точнее, работник аргентинского телевидения. Но опасностей он повидал, бесспорно, не меньше, чем любой солдат или офицер, принимавший участие в десанте на острова. И недаром англичане, одержав победу, со мстительной настойчивостью доискивались, не найдется ли он в числе пленных! И попадется он к ним в лапы, — верно уж, незавидная его ждала бы доля...

По счастью, он успел с огромным риском эвакуироваться на аэроплане, увозя с собою материалы.

Преимуществом латиноамериканской державы, — необъятной, но несомненно значительно более слабой, чем ее стареющий, но еще хищный и злой противник, — была географическая близость к территории, на коей разыгрывалась схватка. Мальвинские или Фалькландские острова, по-испански Мальвинас, лежат у западных берегов Южной Америки, а англичанам нужно было, чтобы туда добраться, пересекать полземного шара. Местное население, скудное числом и примитивное по развитию, состоящее из протестантов английского и шотландского происхождения, стояло, естественно, на стороне метрополии; но оно, так или иначе, не представляло серьезного веса в борьбе.

Война неожиданно выявила отличные боевые свойства аргентинских солдат, преимущественно молоденьких новобранцев, очутившихся внезапно в центре сражений на Фалькландском архипелаге, притом — граждан государства, которое уже много лет как не бывало втянуто в международные конфликты. А испытания перед ними стали как пельза более тяжелые: высаженный на Мальвины десант оказался отрезан

от своей метрополии, — на море и в воздухе. Англия господствовала и располагала гораздо большим, чем Аргентина, могуществом. Страшные бомбардировки, в условиях сурового климата, при враждебности местных жителей, могли бы поколебать моральное состояние даже и закаленных бойцов. Однако аргентинцев они не сломали ничуть.

Прижатые к земле обстрелом, мерзнувшие, часто промощенные дождем рекруты обнаруживали в себе залас не только стойкости, но и юмора, поддерживавшего их бодрость. Казанцев, разделявший все их лишения и как любой из них бывший в течение 56 дней непрерывно на волосок от смерти, — передает нам ряд циркулировавших в их среде острот и анекдотов.

Приведем один образец: «Если увидишь сразу англичанина и американца в кого надо стрелять в первого? — В англичанина; потому что сначала долг, а уже потом удовольствие».

Впрочем, не только на суше, а и на морских волнах и среди небесных облаков, аргентинские моряки и летчики дрались с отвагой древних римлян и умели причинить врагу ошутимый урон.

Их противник, британцы, те воевали главным образом чужой кровью, пустив в дело индийских наемников из племени гурок. Которые дрались как храбрые воины, и с полным пренебрежением к правилам европейской этики: пленных вообще не брали, раненных добивали; только-только, что не отрубали убитым головы.

И это в то время как аргентинцы военнопленных в частности сбитых авиаторов, окружали заботой и вниманием, и, если требовалось, — наилучшим медицинским уходом!

Прикомандированные к аргентинской армии священники и медики вели себя под огнем с не меньшим хладнокровием и сознанием долга чем солдаты.

Решительно, если Аргентина и потерпела фактическое поражение, она одержала в столкновении с британским Голиафом духовную победу о каковой всегда вправду будет с гордостью вспоминать!

Николаю Леонидовичу Казанцеву суждено было сохранить для истории память о битвах и воспеть смелость своих живых и павших соратников. Задача, с которою он с честью справился: книга его, вопреки своему чисто фактическому характеру, увлекательна как роман. Прибавим, что приложенные к ней чудесные цветные фотографии позволяют читателю как бы своими глазами видеть все то, что он так ярко описывает.

Среди слагаемых народностей, — итальянцы, сирийцы, немцы, и, конечно, в первую очередь испанцы, — Казанцев занял свое почетное место и, без сомнения, завоевал себе широкую известность в публике. Чему от души порадуемся, ибо она входит в фонд репутации русского имени в Латинской Америке, которая уже утверждена многими эмигрантами из России и их потомками.

Он сам рассказывает о себе, что с детства любил поэзию Гумилева. Нельзя не признать, что и на деле он вел себя как один из любимых персонажей великого стихотворца: *конквистадор в панцире железном*.

ГЕННАДИЙ КРИВАГО

ПИСЬМО ИЗ АНТАРКТИКИ

Климат тут своеобразный: сильные ветры, но температура очень ровная; постоянно, днем и ночью, не выше +5° С и не ниже 0° С. Это лето считают «теплым», много дождей, а так как все тут приспособлено к снегам и ветрам, то постоянно протекают крыши, подвалы затопляются и т. д. Конечно также страдаем от вездесущего отсутствия толковой организации. Например, в этом году из-за каких-то темных махинаций телефонная связь налажена только с Буэнос-Айресом. Так что те, кто из провинции, вовсе контакта с родными не имеют. Моя же семья на лето уезжает на море и я тоже с ними прямого контакта не имею, но... нашелся гений, который ловким и совершенно незаконным путем все же пару раз добился меня связать! И так все, на каждом шагу.

Антарктический вопрос — сам по себе трудный и щекотливый на международном уровне, так что страшно думать, что получится если аргентинцам придется отстаивать какие-нибудь права или, дай Бог, захотят проявить собственную инициативу.

Моя работа нетрудная, знакомая, так что много свободного времени — письма, чтение, сиеста — в общем полный отдых. Вот на пятом десятке перечитал «Бесов» Достоевского. Раз что об книге: перед отъездом перечитал Н. Казанцева "Malvinas a sangre y fuego", об англо-аргентинской войне и вновь переживал волнитель-

ный 82-ой год. Еще тогда намеревался поделиться своими впечатлениями о ней, но как-то не получилось.

Читал я ее с большим волнением. Среди тысячи других читателей я себя считаю особенно привилегированным, так как кое-что смог прочесть между строк: тут и свое «слово», к которому нас обязывает наша эмигрантская культура, там и благоговение перед храбростью, жертвенностью и пред правой войной, то есть все то, что выработалось в нас, слушавших и переживавших войны наших предков.

Нашелся бы свой, чуткий критик, он бы проследил в этом рассказе отпечаток и русских богатырей и «Кавказского пленника» и Белого Движения. В этой книге многое удачно получилось — краткое и яркое описание военных действий, и описание собственного восприятия войны. Я почти слушал этот рассказ и вместе с автором переживал то, первое — «так вот что такое, она — война».

Не знаю благодарить ли автора за нее, ведь не следует благодарить за исполненный долг, а автор его исполнил пред павшими и пред самим собой, как журналист и человек. Думается мне, что просто-напросто он не смог бы не написать чего-нибудь подобного.

Александр Муханов

ПЕЧАТЬ

НАШИ ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ

В # 7 от с. г. монархического бюллетеня "Pro Fide, Rege et Lege", издающегося по-польски в Варшаве, перепечатан отрывок из книги И. Л. Солоневича «Народная монархия», под заглавием «Монархия и план» (в переводе А. Гвязды).

Другой польский журнал, «Станчик», орган консерваторов и либералов, тоже воспроизвел, некоторое время назад, ряд отрывков из «Народной монархии», давая ей в целом чрезвычайно высокую оценку. Редакция его считает также ценными для себя мысли А. Солженицына и И. Маджевича о старой и телере-шней России.

В статье об Албании, под названием «Король готов», "Pro Fide, Rege et Lege" выражает живое одобрение королю Леке, который призывает свой народ к борьбе против коммунистов и заявляет о своей готовности возглавить страну, когда она освободится от антинациональной и атеистической диктатуры нынешних своих правителей.

Бюллетень считает, что не только для него, но и для остальных, изгнанных сейчас из своих государств монархов Восточной Европы близится час возврата на их посты, и советует им всем следовать примеру своего энергичного и отважного албанского собрата.

С ЖИРОВОЙ ПЛАНЕТЫ

В повести Л. Бородин «Женщина и море», в «Гранях» # 155, эмансипированная подсоветская девица удивляется, по поводу нынеш-

них большевистских вождей:

«... Те, что на портретах, они только прожорливые, трусливые свиньи! Ну, скажите, отчего у всех у них такие круглые морды?.. Почему туда только с такими мордами пробираются? Ведь вот приезжают с Запада, рядом с нашими — люди как люди. А наши будто с какой жировой планеты спустились и не успели похудеть. Старые фотографии смотришь — цари, генералы, — красиво! Влюбиться можно. Порода!»

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

В том же номере, в очерке «Колпашевский яр», В. Запечский подводит итоги деятельности возглавитель партии и правительства в Стране Советов, прежних и телерешных:

«Но ведь звонкие цапки на груди и мраморные изваяния они любили. Еще как любили! И хоронили друг друга в людных местах. Неужели было безразлично, какими словами, уже вслух, помянет их проходящий мимо потомок? Казалось бы, сами были свидетелями того, своими собственными руками вынесли из мавзолея мощи главного изувера (в том смысле своими собственными руками, что проголосовали «за»). А про себя забыли. Не подумали, что плевательница может оказаться на их могилах нужнее, чем величественный бюст.

Все-таки поразительно, насколько сильной оказалась холуйская преданность своему хозяину, которого они сами же, скрепя сердце, припрятали поглубже в землю. За сделанную в теи его душегубства карьеру? Потому что у самих были руки в крови?»

В. Р.

Е. ФОКИН

МЫСЛИ О САМОДЕРЖАВИИ

Самодержавие в продолжении веков оставалось главной движущей силой русской истории. На его плечи легли исторические задачи, возникавшие перед Россией одна за другой и предъявлявшие свои неумолимые требования. Самодержавие их разрешало часто не без блеска, иногда с блеском чрезвычайным. Оно объединило раздробленную и истекшую кровью в княжеских усобицах Русь, освободило ее от иноземного владычества, отбилось от беспощадных империализмов: шведского, польского, немецкого, турецкого, французского.

Оно осуществило ряд великих реформ во второй половине 19-го века. Оно индустриализовало Россию. Оно превратило ее в правовое государство. Каковы бы ни были исторические грехи самодержавия — перед судом истории оно оправдано.

Самодержавие умело исполнить свои задачи, несмотря на сопротивление господствующего класса и предрассудки общества. Самодержавие есть исторически неизбежная форма государственности. Моральные ресурсы самодержавия были велики. Оно вовсе не было изолировано в стране. Самодержавие, в особенности в эпоху реформ, поддерживали все честные люди, лучшие люди России.

Параллель между русской (вернее антирусской) и французской революцией совершенно несостоятельна. У нас не было королевской шкатулки, бессмысленных пенсий, диких дефицитов, банкротств. За спиной Людовика 16-го стояла старая Франция, за спиной Императора Николая 2-го — обновленная самодержавием Россия. У нас не было двора поглащавшего огромную часть бюджета, дворянских привилегий, продажи должностей, прелатов, блиставших в салонах и не веровавших в Бога.

Русские солдаты не были наемным сбродом. Армия наша по составу своего офицерского корпуса была самой демократической в Европе. Дорога к самым высоким чинам была в принципе открыта каждому офицеру. Офицерство наше в массе своей было не помещицье и даже не дворянское. Свой патриотизм — то есть — верность престолу и отечеству — русское офицерство XX века доказало во время японской, мировой и гражданской войн.

Россия обладала отличным состоянием финансов, огромным ростом производительных сил, буржуазией, вовсе не склонной к оппозиции и самым своим существованием обязанным заботам самодержавия.

Самодержавие, конечно, предполагает самодержца, но не из одного самодержца состоит. Как говорил Л. А. Тихомиров, монархия это не произвол одного лица, монархия это система учреждений. У нас был служилый класс, вышколенный, трудоспособный, свободный от коррупции, культурный, стоявший вообще на очень высоком уровне. И была в нем прослойка особенно талантливая, преданная монархии, независимая, склонная к реформам. Эта прослойка никогда не исчезала.

В связи с этим, интересно наблю-

дение, приведенное Рудневым в его книге «При вечерних огнях», изданной в городе Харбине в 20-х годах, о том, что культурный уровень царских государственных служащих, то есть чиновников, часто был значительно выше уровня представителей интеллигенции, не говоря уже о воспитанности, которая у большинства отсутствовала. Автор книги во время Первой Мировой войны был назначен представителем своего ведомства в так называемый «всенно-промышленный комитет», созданный «общественностью» на помощь и при помощи правительства. Руднев в нем впервые встретился с интеллигенцией, от которой он ожидал очень много, и был разочарован. Зато он имел возможность убедиться в чрезвычайной деликатности царского правительства, допустившего создание этого комитета и его существование, несмотря на то, что продукция, на его заводах, обходилась в четыре раза дороже, чем на государственных. Но правительство молчало об этом, ради успокоения общественного мнения, вместо того, чтобы обнаружить не только ненужность, но и ущерб, наносимый этим комитетом.

Конечно, была и реакция, сила враждебная самодержавию, но прикрывавшаяся его именем. Потерпев крушение в своих притязаниях, она нашла более выгодным припасть к подножию трона.

Русское самодержавие честно и до конца было прогрессивной силой. Не раз случалось ему быть единственно прогрессивной силой в России. Сохраняло оно большое прогрессивное значение и в эпоху деятельности Витте. И тогда оно было вынуждено делать свое прогрессивное дело против реакционеров и, что особенно печально, против общества, которое находилось во власти революционного психоза, то есть объективно занимало реакционные позиции.

Когда оно погубило, самодержавие еще было полно жизни, все еще имело запас огромных неосуществленных возможностей. Главной же — заменить его было нечем, только большевизмом, и уже конечно не Февралем. Революционное движение разрушило не только самодержавие, но и предпосылки существования русского государства.

Гарантом правового строя в Европе было опять-таки русское самодержавие. Рухнуло оно, и — пошло: версальский мир, Муссолини, Гитлер, народный фронт. Ничего этого не было бы и быть не могло при наличии русской монархии.

В русском самодержавии не было пафоса сословности и аристокра-

тизма. Русский аристократизм решительно не удался и в значительной степени по вине самодержавия. Не было в русском самодержавии комплекса идей и чувств, враждебных гуманизму. Русское самодержавие никогда не руководствовалось отвлеченной теорией, оно стихийно тяготело к гуманизму в лучшем смысле этого слова.

Культурное значение самодержавия огромно. Только под его сенью могла развиваться русская культура. Так было с литературой, которая эмансипировалась от влияния двора раньше других отраслей искусства. Но живопись и архитектура были связаны с самодержавием очень прочными узами. Балет до конца остался детищем двора.

В борьбе с самодержавием не был заинтересован народ и не хотел ее. Если интеллигенции всего важнее было учредительное собрание, то народу оно вовсе не было нужно, и он не хотел ни конституции, ни революции. Россия управлялась «на точном основании законов ст верховной власти исходящих». И это была не пустая фраза. И вообще самодержавие было у нас не ниже, а выше своего официального образа. И народ это чувствовал. Недаром можно было слышать в деревне: «не в бессудной земле живем».

Дело было не в недостатках самодержавия, а в том, что фанатической вере революционеров требовалась четырехручка, учредительное собрание и демократическая республика, то есть то, в чем ни малейшей нужды не испытывал народ. Народ не понимал для чего нужна борьба с самодержавием. Никакой почвы для конституционного режима западного типа в России не было. Западного типа конституция никому не была нужна, кроме нескольких профессоров, журналистов, земцов и сановников. Левым была нужна не конституция даже, а резня. Реакционерам не конституция, а клика. Милюковские кадеты поставили себя в распоряжение революции. Общественных сил, на которые могла бы опираться конституция в России не оказалось. И западнический конституционный опыт оказался в России на редкость неудачным.

Есть одна обязанность перед самодержавием, которая лежит на всех мыслящих людях России и которая не связана с политикой. Это обязанность беспристрастного исторического исследования. Пора увидеть самодержавие в его действительном свете. Пора понять его и признать его заслуги перед Россией.

Е. ФОКИН

«РУССКАЯ ЖИЗНЬ»

Национальная, внепартийная, общественная ежедневная газета, издаваемая в городе Сан Франциско, США с августа 1921 года.

Подписка на 1 год — 75.- долларов, на полгода — 40.- долларов, на 3 месяца — 25.- долларов.

Подписку направлять по адресу: 2460 Sutter Street, San Francisco, CA 94115 USA.

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАНИНА

Одинадцатого февраля с. г. в Москве состоялся вечер памяти Д. Панина, посвященный теме «Создатель и разрушитель», сформулированной в честь одной из его книг.

«Вечерняя Москва» так комментирует это событие: «Еще одно отторгнутое от русской культуры имя возвращается к нам».

Утверждение, положим, не совсем верное: от русской культуры это имя никогда не отрывалось, сохраняя свое значение в нашем Зарубежье; а что оно было отделено от советской культуры... так оно с нею все равно не имеет ничего общего.

Во всяком случае, более трехсот книг Димитрия Александровича было моментально распродано, и те, для кого их не хватило, были в отчаянии. Журналист Ф. Медведев, участвовавший в организации вечера, резюмировал происходящее словами: «Панин возвращается домой. Возвращается пророк в свое отечество».

Важным фактором являлось присутствие вдовы писателя, И. Я. Паниной, верной его помощницы при жизни и хранительницы его памяти, прочитавшей с трибуны отрывки из его работ, дышавшие непримиримым отрицанием большевизма.

Любопытно, что дата вечера случайно (или волею Промысла?) совпала со днем рождения Панина.

В «Русской Мысли» от 2-го марта с. г., Ф. Наркирер, в заметке «Памяти Димитрия Панина», пишет:

«Много сейчас говорят о России. Для меня Россия — земля мучеников. Писатели — от Пушкина и Лермонтова до Гумилева и Пастернака. Ученый — Николай Иванович Вавилов. Философы — отец Павел Флоренский, математик, физик. Димитрий Михайлович Панин органически самым естественным образом сочетал дар писателя, ученого, философа».

Далее он же так характеризует своего покойного знакомого:

«Он и был таким рыцарем духа, человеком, отличавшимся удивительным душевным благородством».

Закончим этими верными словами, к которым нечего прибавить; они выражают самую суть вещей.

Е. Веденеева (Бельгия)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА

Нам пишут из Москвы:

Неформальная газета «Последний полюс», орган консерваторов-интеллектуалов опубликовала интервью с начальником Походной Канцелярии Главы Императорского Дома И. И. Билибиным. В одном из вопросов заданных И. И. Билибину газета заявила, что «Народная монархия» Ивана Солоневича это книга «которую каждый русский патриот считает сегодня своей настольной».

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18-9-1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: М.В.Киреев. Редактирует Ред. Колл. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578, 1430 Buenos Aires, Argentina, тел. 544-0530. Статьи подписанные фамилиями или инициалами не обязательно выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются. При перепечатке ссылка на источник обязательна.

Цены за 1 экз: Австралия 0.80 ам. долл.; Германия - 1.80 н.м.; Франция - 5 фр.; Италия 1100.- лир; США - 0.80 ам. долл.; Аргентина - 2000.- астр. В остальных странах - 0.80 ам. долл. Цена обыкновения: за 1 см. в 1 кол. - стоимость 4 экз. газеты. Чехи: Miguel Kireeff, for deposit only. Банк переводы только на: Citibank, N. A., 693 E. Jericho Turnpike, Huntington Sta., NY 11746, USA. Account N° 78516453

©"NASHA STRANA"-"NUESTRO PAIS". Semanario monárquico ruso. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949.917. Editor: M. Kireeff, Monroe 3578, 1430 Buenos Aires, Argentina.

Correo Argentino	Franqueo pagado. Conces. N° 4233
Sucursal 30 (B)	Interes General. Conces. N° 3980